

Глава 17

Сердце Дуань Чжо забилося чаще, но он усмехнулся, словно услышал что-то забавное:

— Я? Боюсь тебя?

Сун Яньцю задумался и подобрал другие слова:

— Ну, не то чтобы боишься.

— Будь добр, поясни, — взглянул на него Дуань Чжо.

Это означало: «Объяснись».

Что ж, раз так, то можно и объясниться. Юноша отбросил всякую мысль о сне.

— Просто... ты тогда довольно сильно меня сторонился. Конечно, теперь я понимаю, что у твоего отторжения были и другие причины. У тебя высокие стандарты, ты принял меня за Сун Лэнина и потому не хотел заключать фиктивный брак с кем-то вроде меня.

Сказав это, он снова начал заводиться.

— Как ты вообще мог принять меня за Сун Лэнина?! Кроме носа и двух глаз, мы же совершенно не похожи!

— Внешне — да, не похожи, — согласился Дуань Чжо. — Но и ты не выглядел паинькой.

Одежда не по погоде, лишь бы красиво, вычурные украшения, шумные компании, с которыми ты веселился до утра, и при этом лицо совсем юное. Очень похоже на подростков, которые после уроков слоняются по паркам и улицам.

Сун Яньцю фыркнул. Раздражение, не до конца утихшее после ужина, снова дало о себе знать.

— Поэтому в тот день, когда я попросил у тебя галстук, ты изменился в лице, едва услышав, что я сын Сун Чэна? И сбежал быстрее кролика.

Дуань Чжо не стал спорить.

Надо же, этот парень казался таким беззаботным, а на самом деле в его голове много чего происходит, он даже способен анализировать и делать выводы.

— Хочешь, чтобы я извинился? — спросил Дуань Чжо.

— Забудь, — отмахнулся Сун Яньцю. — Я не такой уж злопамятный.

Заметив, что собеседник, кажется, сомневается в его догадке об ориентации, Сун Яньцю решительно откинул тонкое одеяло и сел.

Полосатая хлопковая пижама свободно сидела на нём, воротник и манжеты были отделаны красной каймой, а каждая пуговица была аккуратно застёгнута — явное свидетельство того, что к сегодняшней ночёвке в одной постели он подготовился.

Юноша скрестил ноги и повернулся к Дуань Чжо, всем своим видом показывая готовность к откровенному разговору.

— Не дури мне голову. Твою ориентацию я раскусил уже давно.

Дуань Чжо оставался невозмутимым.

— Когда же?

— Не на похоронах. — В тот момент Дуань Чжо, вероятно, было не до того, чтобы кого-то разглядывать. Он задумался. — Когда мы встретились в парке.

Дуань Чжо не считал, что чем-то себя тогда выдал.

— О? И как же ты это понял?

Несмотря на сонливость, Яньцю твёрдо решил доказать свою правоту.

— Потому что ты смотрел на меня не так, как другие.

— И как же?

— Например, Линь Чжиюй. Когда он смотрит на меня, у меня такое чувство, будто я для него просто вещь. Мы жили под одной крышей, ели за одним столом, а он заметил, что я проколол уши, только спустя три месяца, представляешь? — привёл пример Сун Яньцю. — А ты в тот день первым делом посмотрел именно на мои уши.

Он не ожидал, что тот это заметит.

— ...

Сун Яньцю повернул голову, демонстрируя ухо.

— Вот только не знаю, на что ты смотрел: на серьги или на эту родинку.

Маленькая родинка на хряще уха на мгновение показалась и скрылась.

Он снова повернулся к Дуань Чжо:

— А потом твой взгляд скользнул по моей одежде, от воротника до ботинок... Знаешь, на меня так смотрели многие.

Дуань Чжо молчал.

«Что означало это «многие»? Раздражение или гордость?»

Сун Яньцю слегка качнулся, словно раздумывая, стоит ли продолжать, и наконец решился. Он придвинулся ближе и, будто делая секретом, прошептал:

— Все они были геями. В университете мне часто признавались в симпатии парни.

Дуань Чжо едва заметно приподнял бровь.

«Значит, всё-таки гордость».

Сун Яньцю выпрямился и продолжил:

— Честно говоря, я тогда даже немного пожалел. Может, не стоило предлагать тебе фиктивный брак? Я же натурал, вдруг я окажусь в невыгодном положении? Но, к счастью, ты, хоть и был немного очарован моей внешностью, на самом деле вёл себя так, будто я тебе неприятен. И я успокоился.

Дуань Чжо бросил на него быстрый взгляд.

— Ты не слишком самоуверен?

— А как без самоуверенности стать звездой? — возразил Яньцю. — Это профессиональное качество... В общем, вот и вся история. Можешь не волноваться, я тебя не осуждаю. Во всём мире уже легализовали однополые браки.

— Что ж, спасибо? — с иронией ответил Дуань Чжо. — А если бы я не «испытывал к тебе неприязнь», а действительно решил бы что-то с тобой сделать, чтобы ты оказался в проигрыше? Что бы ты тогда предпринимал? Беспокойство твоего отца не было беспочвенным.

Сегодня Сун Чэн был абсолютно прав.

— Признаю, в этом я поступил слишком импульсивно, — согласился Сун Яньцю. — Но другого выхода не было.

Дуань Чжо оказался проницательнее, чем он думал.

— Если бы не тот случай в аэропорту, он бы до сих пор ничего не знал. Сун Яньцю, ради чего ты пошёл на это и так долго всё от него скрывал?

Взгляд юноши забегал.

— А обязательно должно быть «ради чего-то»? Я просто не хотел, чтобы он лишний раз волновал сердце.

— Люди — существа, которым нужна эмоциональная отдача, — сказал Дуань Чжо. — Какой ребёнок, заботясь о родителях, не захочет похвастаться?

Особенно когда в семье есть ещё один ребёнок, с которым постоянно идёт соперничество.

Вопрос был задан в самую точку, но Сун Яньцю не так-то просто было загнать в угол.

— А вот это уже не твоё дело, — он моргнул, уводя разговор в сторону. — Лучше скажи, что тогда случилось, когда ты попал в аварию?

Но Дуань Чжо тоже не терял бдительности.

— Кажется, я уже говорил, что мы ещё не настолько близки, чтобы делиться шрамами.

— ...

— Опять эта фраза. Не мог бы ты придумать что-нибудь новое?

— Могу, — ответил Дуань Чжо. — В обмен на твой секрет.

— Тогда не надо, я лучше не буду знать.

Сун Яньцю со вздохом откинулся на подушку. Он подумал, что об аварии сможет завтра спросить у Сун Чэна, так что обмениваться секретами с Дуань Чжо не было никакой необходимости.

— Не хочешь — не говори. А я сейчас собираюсь сладко уснуть, и на полу спать точно не буду. Спокойной ночи вам.

С этими словами он, словно возводя барьер, накрыл своё красивое лицо одеялом, отказываясь продолжать разговор.

Но тут он услышал предостерегающий голос Дуань Чжо:

— Зная, что мне нравятся мужчины, ты уверен, что хочешь спать здесь?

— И что в этом такого? — всё же ответил Сун Яньцю приглушённо. — Ты же не вирус.

В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Юноша не видел выражения лица Дуань Чжо. Он почувствовал, как тот приблизился, его запах, казалось, окутал его даже сквозь одеяло. Матрас прогнулся, словно на его территорию вторгся хищник. Сун Яньцю невольно напрягся, сжав кулаки.

Но вскоре понял, что зря волновался. Дуань Чжо просто потянулся к выключателю на стене и щелчком погасил свет.

Комнату поглотила полная темнота.

Они лежали рядом, оба у самых краёв кровати, как в тот раз на заднем сиденье машины, и между ними было столько места, что мог бы поместиться ещё один человек.

«Он уснул?»

Сун Яньцю одолевала сонливость, но мысли продолжали роиться в голове.

«Снимает ли он перчатку на ночь? Насколько серьёзной была авария? Его же увезли на скорой... Почему я утром в ванной не разглядел, есть ли у него шрамы? Может, у него всё тело в стальных пластинах, и поэтому он всегда сидит так прямо... Дело не только в скрытых камерах».

Пока он размышлял об этом, внезапно раздался голос Дуань Чжо:

— В ту аварию меня сбил член моей семьи.

Что?

Остатки сна как рукой сняло.

Яньцю инстинктивно потянулся к выключателю, но Дуань Чжо остановил его:

— Не включай свет.

— Хорошо, — сердце Сун Яньцю забилось быстрее. Он чувствовал, что вот-вот узнает большую тайну.

В темноте голос Дуань Чжо звучал спокойно:

— Когда мне было десять, моя бабушка через газету разорвала с ним все отношения, поэтому он не появился даже на её похоронах. В тот вечер, на банкете, когда я стоял на сцене с речью, я увидел его в зале.

Судя по времени, это было, когда он только достиг вершины мирового рейтинга. Вероятно, банкет был устроен в честь этого события.

— Я не задержался надолго.

Он не любил подобные мероприятия.

— Попрощавшись со старшими, я выехал из поместья. Едва я миновал фонтан, как сбоку в меня врезалась машина. Мой автомобиль перевернулся и снёс дерево. К счастью, все подушки безопасности сработали, и я остался жив. Виножник не скрылся. Он утверждал, что в его напиток подмешали запрещённые препараты, и он не контролировал свои действия. Говорил, что кто-то хотел окончательно разрушить наши с ним отношения. Поэтому полиция допрашивала всех по очереди.

Яньцю слушал, и его руки и ноги холодели. Было совершенно очевидно, о каком «члене семьи» идёт речь. Он понимал, почему Дуань Чжо не называл его «отцом».

— Почему... неужели кто-то и правда...

— Никакого «почему», — тон Дуань Чжо оставался ровным, он даже слегка усмехнулся. — И никто ничего не пытался нам сделать, это же не сериал. Мир огромен, и не все родители любят своих детей и гордятся их достижениями. Разнообразие генов определяет то, что некоторые люди рождаются с гнильцой.

Он был настолько потрясён, что не знал, что сказать.

— Вот и всё. Это, наверное, и не секрет вовсе, так что тебе не нужно обменивать его на свой, — сказал Дуань Чжо. — Даже если бы я не рассказал тебе сейчас, ты бы завтра спросил у дяди Суна, и он бы тебе всё поведал.

— ...

«И как он снова угадал?»

Прошло уже два года, и голос Дуань Чжо не звучал опечаленным.

Но Сун Яньцю ощутил глубокую, пронзительную тоску. Быть преданным самым близким человеком — это нельзя было назвать просто несчастным случаем. Тот попал в больницу, сначала объявил о пропуске сезона, а после года лечения... с какими чувствами он объявлял о завершении карьеры? Наверное, он до последнего надеялся, но в итоге был вынужден уйти.

Он с трудом мог представить, что бы делал, если бы потерял голос и больше не смог петь.

Поворочавшись, юноша повернулся на бок к Дуань Чжо и осторожно взял его за правую руку.

Она была... без перчатки.

Пальцы Дуань Чжо были тёплыми, кожа — гладкой на ощупь. Яньцю держал его руку, боясь пошевелиться, чтобы не причинить боль.

Раздался холодный голос Дуань Чжо:

— Сун Яньцю, ты опять сопереживаешь.

— Да, — кивнул тот. — Ты не знаешь, но на самом деле я очень мягкосердечный.

Если бы Дуань Чжо с самого начала не принял его за другого и не вёл себя враждебно, у них могли бы сложиться прекрасные партёрские отношения. Возможно, они даже стали бы хорошими друзьями.

Подумав об этом, он так и сказал:

— Теперь мы оба знаем, что твоё отношение ко мне было основано на недоразумении, так что я тебя прощаю.

Дуань Чжо произнёс свою коронную фразу:

— Ты меня жалеешь?

— Нет, — ответил Сун Янцю. — Просто моё сердце за тебя болит.

Вокруг было тихо. Оба молчали.

Вскоре в комнате раздалось ровное дыхание Сун Янцю. Этот человек, когда бы то ни было, обладал завидным качеством сна.

Дуань Чжо лежал неподвижно, не смея пошевелиться, пока тот держал его за руку.

<http://bllate.org/book/15967/1570981>